

XVI $\frac{45}{10}$

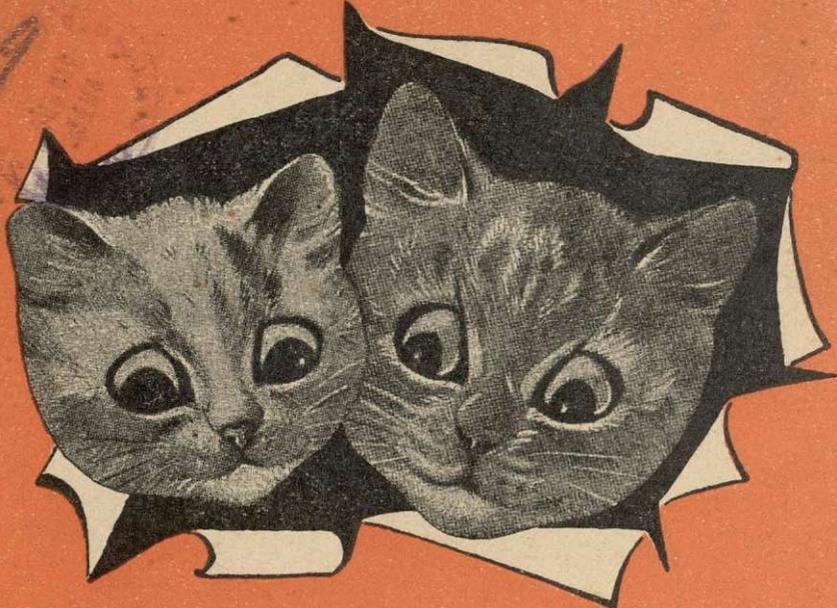
1908 ~ 1-4

1110 1909
ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ.

НОЯБРЬ.

№ 1.

1908.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

О КУКУШКАХЪ.
ПЕРВЫЙ СНѢГЪ.
ГУВЕРНАНТКА.
ВЪ НЕВОЛѢ.
ЧУЖОЕ ИМЯ (романъ).
ФОКУСНИКЪ КОЛЯ.
АРИФМОГРАФЪ, ЗАДАЧИ,
РЕБУСЪ, ГОЛОВОЛОМКИ
и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Пастушка съ овечками — для рас-
крашиванія и вырѣзанія.

Мозаика

№ 1. Ноябрь. 1908.

Годъ изданія II-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Молодая кукушка выбрасываетъ недосиженные яйца изъ гнѣзда прямо на землю.

О КУКУШКАХЪ.

Митя и Лиза собирали въ лѣсу грибы и вдругъ нашли въ травѣ чьето покинутое гнѣздо. На днѣ его еще лежали скорлупки отъ яичекъ и виднѣлись сѣренькія перышки и пушокъ.

— Это гнѣздо кукушки! сказала Митя.

Лиза подумала и сказала:—

— Не можетъ быть... Кукушки никогда не дѣлаютъ себѣ гнѣздъ!

— А какъ-же онѣ тогда выводятъ своихъ дѣтей? спросилъ Митя.

Лиза не нашлась,—что отвѣтить.

— Знаешь, что? продолжалъ Митя.—Понесемъ это гнѣздо домой и покажемъ его папѣ!

Дѣти взяли съ собою гнѣздо и побѣжали съ нимъ въ усадьбу. Папа въ это время былъ около кустовъ малины и показывалъ подѣнщицамъ, какъ ее надо подвязывать, чтобы она давала побольше ягодъ. Дѣти увидали его и тотчасъ-же бросились къ нему за разъясненіемъ.

— Папа, обратилась къ нему Лиза,—Митя говоритъ, что это гнѣздо кукушки... правда это?

Папа взялъ отъ нихъ гнѣздо, усмѣхнулся и сказалъ:

— Это гнѣздышко какой-нибудь птички вродѣ малиновки, а кукушки себѣ гнѣздъ не вьютъ!

— А какъ-же онѣ выводятъ себѣ дѣтей? съ недоумѣніемъ спросилъ Митя.

Папа взялъ его и Лизу за руку, повелъ ихъ къ липамъ, гдѣ была скамеечка, сѣлъ самъ на нее и усидилъ рядомъ съ собою и ихъ.

— Кукушка никогда не вьетъ себѣ гнѣзда, сказалъ онъ,—она несетъ свои яйца въ гнѣзда другихъ птицъ, такъ что изъ всѣхъ ихъ только она одна и можетъ быть названа бездомной. Она живетъ только тамъ, гдѣ есть лѣса. Въ тѣхъ-же мѣстностяхъ, гдѣ лѣсовъ нѣтъ вовсе или мало, не бываетъ вовсе и кукушекъ. Это безпокойныя, драчливыя и въ то-же время пугливыя птицы, которыя избѣгаютъ себѣ подобныхъ и живутъ только въ одиночку. Летаютъ онѣ довольно быстро, все больше съ дерева на дерево и очень рѣдко спускаются на землю. Все время онѣ ѣдятъ. Пища ихъ состоитъ изъ однихъ только насѣкомыхъ и поэтому вы можете судить, какъ много онѣ ихъ истребляютъ при своей прожорливости. Ты видалъ когда-нибудь, Митя, волосатыхъ гусеницъ?

— Видалъ... отвѣтилъ Митя.—А что?

— Такъ вотъ этихъ самыхъ волосатыхъ гусеницъ не клюетъ у насъ ни одна птица, а для кукушки онѣ представляютъ самое лучшее лакомство. При этомъ происходитъ нѣчто странное. Если разрѣзать желудокъ кукушки, то окажется, что онъ весь

КНИГА ИМЕЕТ:

Лит. 1748.

Печатав. Листовъ	Выпуск	В перепл. един. соедин. № 908	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Службн. № №	№ № Списокъ в Порядковъ	1748 г.
8	3	1-4				D	1561	

в. 39 т. 300 тсе XI-811

43

93252

внутри покрытъ шерстью. Но это все не шерсть; это волоски отъ гусеницы. Такимъ образомъ желудокъ кукушки всегда находится какъ-бы въ шубкѣ. Иногда, въ голодные годы, когда неожиданнымъ морозомъ побьетъ вдругъ сразу всѣхъ насѣкомыхъ, кукушки, не долго думая, принимаются за яички мелкихъ птичекъ и отлично ихъ съѣдаютъ. Большею же частью онѣ ни съ того, ни съ сего нападаютъ вдругъ на гнѣздо какой-нибудь птички, выбрасываютъ изъ него яйца вонъ прямо на землю и, какъ ни въ чемъ не бывало, улетаютъ далѣе.

— Для чего-же это онѣ дѣлаютъ? спросила Лиза.

— Вѣроятно, для того, чтобы впоследствии самимъ снестись въ этихъ гнѣздахъ и чтобы владѣлица такого гнѣзда не догадалась, что вмѣсто ея яйца въ ея гнѣздышѣ лежитъ яйцо кукушки. Большею-же частью, передъ тѣмъ какъ снестись, кукушка выбрасываетъ изъ гнѣзда избранныхъ ею для своего будущаго птенца пріемныхъ родителей только одно яичко и именно это яичко поѣдаетъ. Вмѣсто него она кладетъ въ такое гнѣздышко свое яичко и улетаетъ далѣе. Такимъ образомъ ея птенчика высиживаетъ уже другая птичка.

— Почему-же она не высиживаетъ его сама? спросилъ Митя.

— Это неизвѣстно, сказала папа.—Вѣроятно, потому, что она очень прожорлива, много ѣстъ и потому ей нельзя слишкомъ долго сидѣть

на одномъ мѣстѣ, иначе она проголодается. А такъ какъ она питается преимущественно только насѣкомыми, то должна вѣчно находиться въ движеніи, чтобы достаточно наловить ихъ и быть сытой.

Въ сосѣднемъ лѣсу вдругъ прокричала кукушка: ку-ку! ку-ку!

— Слышите? обратился къ дѣтямъ папа.—Это кричитъ самецъ. Самки или не кричатъ вовсе, или-же кричатъ довольно рѣдко. И если вы слышите здѣсь крикъ кукушки, то значитъ услышите его здѣсь и завтра, и послѣзавтра и такъ далѣе до самаго Петрова дня,—и все время на этомъ мѣстѣ будетъ кричать все одна и та же кукушка.

— Почему-же это, папа? спросила Лиза.

— Потому что, прилетая къ намъ весною, отвѣчалъ папа,—всѣ самцы-кукушки дѣлятъ между собою всю нашу мѣстность на участки и въ каждомъ участкѣ живетъ только одинъ самецъ. Этотъ участокъ каждый самецъ считаетъ своею полною собственностью и ревностно охраняетъ его отъ вторженія другихъ. И если въ такомъ участкѣ появится вдругъ какой-нибудь другой самецъ-кукушка, то между ними начинается драка. Побѣжденный далеко не улетаетъ, а селится гдѣ-нибудь по близости, и дерется съ побѣдителемъ каждый день, пока кто-нибудь изъ нихъ не погибаетъ. Оставшійся въ живыхъ летаетъ только у себя по участку, въ другіе же участки не за-

глядываетъ и все время находится въ движеніи, перелетая съ дерева на дерево и пожирая насѣкомыхъ; и это онъ дѣлаетъ не только днемъ, но даже и въ теченіи всей ночи, такъ что нужно удивляться, какъ это кукушка можетъ такъ мало спать. Разъ кукушка поселилась въ данномъ участкѣ, она прилетитъ въ него и на будущій годъ, и на третій и на четвертый и т. д., пока будетъ жива.

Замѣтивъ какое-нибудь насѣкомое, кукушка садится на вѣтку, затаиваетъ дыханіе, смотритъ на него двѣ три секунды, и затѣмъ нѣсколькими ловкими прыжками подскакиваетъ къ своей добычѣ, хватаетъ ее и обязательно возвращается съ нею на тоже самое мѣсто, съ котораго бросилась на насѣкомое, и только здѣсь его съѣдаетъ. Послѣ этого она нѣсколько разъ кричитъ свое «ку-ку» и улетаетъ далѣе. И чѣмъ вкуснѣе была ея добыча, тѣмъ большее количество разъ она кричитъ это «ку-ку». Случается-же и такъ, что она положительно хрипнетъ отъ злоупотребленія своимъ голосомъ и тогда уже вмѣсто обычнаго «ку-ку» кричитъ такъ: «хав-хав-хав».

Дерется и воюетъ кукушка только съ кукушками-же, другихъ-же птичекъ она не трогаетъ. Развѣ только ей приходится иногда припугнуть овсянку, когда эта птица вдругъ не захочетъ впустить ее въ свое гнѣздо. Въ плѣну кукушки отлично уживаются съ другими птицами и никогда

ихъ не обижаютъ. Но стоитъ только посадить въ клѣтку къ кукушкѣ другую кукушку, какъ между ними начинается такая драка, что летятъ во всѣ стороны перья.

Уже въ глубокой древности было извѣстно, что яйцо кукушки высиживаетъ другая птица. Теперь установлено, что кукушка кладетъ свои яйца въ гнѣзда 117 видовъ другихъ птицъ. Но чаще всего кукушки предпочитаютъ класть ихъ въ гнѣзда камышевокъ, овсянокъ и трясогузокъ.

— Развѣ кукушка такая-же маленькая птичка, какъ и трясогузка? спросилъ Митя.

— Нѣтъ, отвѣтилъ папа.— Это довольно крупная птица, немного меньше молодого голубя.

— Какъ-же трясогузка не отличитъ ея яйцо отъ своихъ? Вѣдь оно должно быть гораздо крупнѣе, чѣмъ ея.

— Въ томъ-то и дѣло, продолжалъ папа,— что яйца кукушки необыкновенно малы. Они меньше, чѣмъ яйца обыкновеннаго воробья. Скорлупа на нихъ шероховатая, толстая, крѣпкая, яркаго желто-зеленаго цвѣта, усыянная мелкими фіолетовыми пятнышками. Но что страннѣе всего, такъ это то, что кукушка можетъ по желанію снести яйцо и больше, и меньше, и съ крапинками, и безъ крапинокъ, судя по тому, въ чье именно гнѣздо она его кладетъ. Каждая самка несетъ въ одно гнѣздо только одно яйцо и только въ томъ лишь случаѣ, если пріемные родители снесли туда уже свои яйца.

Митя весело разсмѣялся.

— Ты, папа, намъ разсказываешь пустяки, сказалъ онъ.—Какъ же это такая большая птица, какъ кукушка, и вдругъ можетъ снести яйцо въ такое маленькое гнѣздышко, какъ у трясогузки. Да вѣдь она его раздавитъ или просто свалится изъ него на землю!

— Напрасно ты смѣешься, отвѣтилъ ему папа.—Кукушка одна изъ очень диковинныхъ птицъ. Она несетъ свое яйцо прямо на землю, затѣмъ беретъ его въ клювъ и уже потомъ перекладываетъ его въ гнѣздо пріемныхъ родителей. Положивъ туда яйцо, она нѣкоторое время наблюдаетъ за нимъ, не разъ возвращается къ нему и выбрасываетъ изъ гнѣзда яйца и даже птенцовъ, но никогда не выбрасываетъ своего собственного яйца. Замѣчательнѣе всего то, что пѣвчія птицы, разъ онѣ завидятъ въ своемъ гнѣздѣ какой-нибудь беспорядокъ, тотчасъ-же бросаютъ его и начинаютъ гнѣздиться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Беспорядковъ же, произведенныхъ кукушкою, онѣ какъ-бы вовсе не замѣчаютъ и даже радуются снесенному ею яйцу. Многія птицы такъ ненавидятъ кукушку, что часто стаями нападаютъ на нее и убиваютъ, но никогда не отказываются заботиться объ ея дѣтяхъ и воспитываютъ ихъ еще съ большей любовью, чѣмъ своихъ.

Молодую кукушку сразу-же можно узнать среди другихъ птенцовъ въ гнѣздѣ: она очень некрасива, голо-

васта и имѣетъ глупые, выпученные глаза. Затѣмъ она быстро начинаетъ расти и на ея темной кожѣ появляются стержни будущихъ перьевъ, что придаетъ ей еще болѣе безобразный видъ. Съ первыхъ-же минутъ своего появленія на свѣтъ она начинаетъ требовать себѣ отъ пріемныхъ родителей столько пищи, что они не въ состояніи бываютъ накормить ее досыта и все время работаютъ на это прожорливое созданіе. Если въ гнѣздѣ, вмѣстѣ съ молодою кукушкою, есть еще другіе птенцы, то они погибаютъ съ голода, такъ какъ она отнимаетъ у нихъ послѣдній кусокъ. Чаше-же всего она попросту выкидываетъ ихъ изъ гнѣзда и становится полновластной хозяйкой надъ пріемными родителями. Если же молодая кукушка вывелась въ гнѣздѣ раньше, чѣмъ другія птички, то недосиженные яйца она расклевываетъ или-же тоже выбрасываетъ изъ гнѣзда на землю. Вотъ почему въ гнѣздѣ всегда находятъ только одну молодую кукушку.

— А пріемные родители, спросилъ Митя,—не наказываютъ за это маленькую кукушку?

— Наоборотъ, отвѣтилъ папа,—при выкармливаніи молодой кукушки они выказываютъ къ ней столько любви, сколько не выказали-бы даже и къ своимъ собственнымъ дѣтямъ. Они не доѣдаютъ сами и съ трогательнымъ участіемъ отдаютъ этому прожорливому, безобразному созданію все, что съѣли-бы сами. Они хло-

почуть надъ прокормленіемъ его буквально съ утра до вечера, а когда онъ не спитъ по ночамъ и требуетъ отъ нихъ пищи, то бѣдняжки не спятъ съ нимъ и сами. Когда-же молодая кукушка оперится и вылетаетъ изъ гнѣзда, то они еще долго слѣдятъ за нею, учатъ ее летать, хлопчуть о ней по-своему, но она не обращаетъ на нихъ ровно никакого вниманія, и кончается дѣло тѣмъ, что не она, а они ей уступаютъ и наконецъ расстаются съ нею совсѣмъ.

— Какая нехорошая птица... сказала Лиза.—Какъ жаль, что ее мало истребляютъ!

— Напрасно ты такъ говоришь, Лиза, отвѣтилъ ей папа.—Это очень полезная птичка. Не говоря уже о томъ, что она оживляетъ наши лѣса, что она дѣлаетъ намъ весну, она столько истребляетъ разныхъ вредныхъ насѣкомыхъ, что если-бы не она, то наши лѣса стояли-бы теперь голыми и всѣ листья на нихъ были-бы съѣдены червями до самыхъ вѣтвей. Ненасытный желудокъ кукушки является для насъ благодѣяніемъ, а не

одно насѣкомое не приносить деревьямъ столько вреда, сколько волосатая гусеница.

Въ ближнемъ лѣсу опять раздалось звонкое кукованье кукушки. Дѣти стали считать, сколько разъ она прокричитъ, досчитали до семнадцати и сбились.

— Должно быть, съѣла что-нибудь вкусное... сказалъ Митя.

— Или снесла яйцо въ чье-нибудь гнѣздо... добавила Лиза.

А въ это время въ кустѣ сирени вдругъ громко запѣлъ соловей. Спустился тихій вечеръ, пахло весною и на пруду тихо замурлыкали лягушки. На террасу вышла мама, облокотилась о перила и долго простояла молча, слушая соловья.

— Каковъ вечеръ! крикнулъ ей папа.—Просто не ушелъ-бы изъ сада и такъ-бы все и сидѣлъ!

— Да... отвѣтила ему мама.—Только если-бы не было соловья да кукушки, то и весна была-бы не весна!

Дѣти посмотрѣли на нее, потомъ на отца и что-то теплое вдругъ наполнило ихъ сердца.

С. Вершининъ.

ЗАГАДКИ:

1. Тѣло таетъ, а душа горитъ.—Свѣча.
2. На потолокъ, въ уголкъ, виситъ сито не руками свито.—Паутина.
3. Сестра къ брату въ гости идетъ, а онъ отъ сестры прячется.—День и ночь.
4. Двѣнадцать свѣчекъ въ одинъ годъ сгораютъ.—12 мѣсяцевъ.

ПЕРВЫЙ СНѢГЪ.

Въ деревнѣ сыро, грязь и кочки
И спозаранку темнота.
Ужъ листьевъ нѣтъ, замерзли почки
И всюду тишь и пустота.

По стекламъ катятся слезинки,
Не хочешь взяться ни за что...
Но вотъ срываются снѣжинки
И сразу чувство ужъ не то.

Стоять въ слезахъ нагія вѣтки,
Природа сбросила красу,
Замолкли птички и ужъ дѣтки
Не бродятъ весело въ лѣсу.

Теперь не будетъ ужъ ненастья,
Теперь не будетъ ужъ дождей,
Дорога встанетъ... То-то счастье!
Иди-жъ, зима, иди скорѣй!

Туманно небо, мрачны дали,
Иной разъ дождь часами льетъ,
Въ сараяхъ цѣпы застучали,—
То молотъба уже идетъ.

И мы ложимся и съ надеждой,
Что будетъ снѣгъ, идемъ ко сну,
А только утро, безъ одежды
Ужъ мы толпой бѣжимъ къ окну.

Снѣгъ выпалъ первый... Такъ пушисто!..
Въ узорахъ нѣжныхъ все стекло,
Кругомъ бѣло и серебристо
И стало сразу вдругъ свѣтло.

Кузнечикъ.

ГУВЕРНАНТКА.

— Нѣтъ, нѣтъ, няня! Я ненавижу
ее! воскликнула Соня и залилась го-
рючими слезами.

— Ну, полно, полно, моя милая...
Успокойся! сказала старушка-няня.—
Развѣ можно ненавидѣть своего ближ-
няго? Оно, конечно, ее вовсе не слѣ-
довало-бы нанимать, а ужъ разъ на-
няли, то надо подчиниться... Не плачь,
дѣтка моя милая! Сживется-стер-
пится...

Такими словами няня хотѣла успо-
коить Соню, отерла ей платочкомъ
глаза, и подняла за подбородокъ ея
своевольное, угрожающее личико.

Это была дѣвочка лѣтъ десяти,
еще въ колыбели потерявшая свою
мать. Ея отецъ, вѣчно занятый сво-
ими дѣлами, не вмѣшивался въ ея
воспитаніе и всѣ заботы о ней возло-
жилъ на старую няню Марфушу. Няня
въ ней души не чаяла, но такъ какъ

сама была женщиной простой и малообразованной, то нисколько не обращала вниманія на ея образованіе. Привыкшая къ тому, чтобы исполнялось малѣйшее ея желаніе, дѣвочка совершенно не знала, что такое возраженіе и стоило ей только захотѣть, какъ слѣпо обожавшая ее няня бросала все и дѣлала то, что приказывала ей Соня. Старушка буквально

— Ну, полно, полно, моя милая. Успокойся! сказала няня.

по цѣлымъ часамъ должна была рассказывать ей сказки и всякія исторіи, не смотря на то, что ея старческая память стала уже ей измѣнять.

Но какъ ни былъ занятъ отецъ Сони, онъ все-таки не могъ не замѣчать, что его дочь растетъ безъ образованія и безъ всякаго руководительства, и рѣшилъ нанять для нея гувернантку. Вотъ ея-то ожида-

емый пріѣздъ и повлекъ за собою взрывъ сопротивленія со стороны Сони и,—нужно сказать правду,—тайную ревность со стороны няни. Старушка не хотѣла уступать свою питомицу какой-то неизвѣстной еще «чужой» и, усадивъ рыдавшую дѣвочку къ себѣ на колѣни, стала ее утѣшать, и укачивать, какъ малаго ребенка.

Какъ разъ во время этой сцены въ дѣтскую вошелъ мальчикъ въ матросскомъ костюмѣ. Это былъ Коля, двоюродный братъ Сони.

— Чего ты реवेशь? спросилъ онъ ее.

— Ахъ, Коля, Коля, со вздохомъ отвѣтила ему няня.—Если-бы ты зналъ, батюшка, какое горе надъ нами стряслось!

— Какое горе?

Соня соскочила съ колѣнъ своей няни и быстро-быстро заговорила:

— Папа нанялъ ко мнѣ гувернантку, чтобы она слѣдила за каждымъ моимъ шагомъ, шпионила за

— Чего ты реवेशь? спросилъ Коля.

мною и мучила меня своими дурацкими уроками музыки и французскаго языка... Я заболѣю, умру, я не хочу больше жить!..

Коля рѣшительно встряхнулъ головой.

— Успокойся, Соня, сказалъ онъ.—Мы отдѣлаемся отъ нея. Она уйдетъ отъ тебя сама.

— Какъ-же мы это сдѣлаемъ? спросила Соня.

— Мы подстроимъ ей такія штуки, что она останется довольна!

Старушка грустно покачала головой.

— Глупенькіе... сказала она.—Развѣ можно такъ поступать

съ людьми? Хоть она и гувернантка, хоть она и чужая, а все-таки человекъ. Да и папа очень сердиться будетъ...

Но дѣти не слушали ее и, взявшись за руки, весело убѣжали въ садъ. Тамъ они долго ходили по аллеямъ и все придумывали, какъ-бы получше досадить гувернанткѣ.

Въ назначенный часъ въ домъ приѣхала молодая дѣвушка лѣтъ 20—22, одѣтая въ скромное черное платье. Перчатки у нея тоже были черныя и на шляпѣ у нея былъ черный крепъ и только на шеѣ былъ бѣлый крахмальныи воротничекъ. По всей фигурѣ ея было видно, что она носила по комъ-то трауръ. Она была хрунка и блѣдна, но ея грустные глаза свѣ-

Соня не отвѣчала ей ни слова.

тились добротою и на губахъ играла ласковая, немного печальная улыбка.

— Да она ничего себѣ... шепнула няня Марфуша, подведя къ ней Соню и низко наклонившись надъ дѣвочкой, чтобы скрыть свое смущеніе. При этомъ она сдѣлала видъ, что поправляетъ у нея на головѣ ленту.

Эти слова няни не понравились Сонѣ. Она строптиво подошла къ гувернанткѣ и холодно приняла отъ нея поцѣлуй. Гувернантка стала ласково разспрашивать ее, какъ она живетъ и какъ проводитъ свое время, но Соня не отвѣтила ей ни слова. Гувернантка приняла это за робость, столь обычную у дѣтей ея возраста, и сдѣлала еще нѣсколько усилій, чтобы поскорѣе расположить къ себѣ дѣвочку, но и это оказалось напраснымъ. Только одинъ разъ, и то исподлобья, Соня задала ей вопросъ:

— Васъ какъ зовутъ?

— Ольга Юліевна, съ готовностью отвѣтила ей гувернантка.

Весь этотъ день Ольга Юліевна провела за раскладкой своихъ вещей и за устройствомъ своего новаго жилища и только послѣ обѣда обратилась къ Сонѣ съ серьезнымъ вопросомъ:

— Ну, дорогая моя, сказала она, — мнѣ нужно тебя немножко проэкзаменовать, чтобы составить себѣ понятіе, что ты знаешь и чего не знаешь.

Тутъ-же находился и отецъ Сони. Дѣвочка не могла отвѣтить при немъ отказомъ и послушно пошла за гувернанткой.

Если-бы экзамень касался тѣхъ сказокъ, которыя Соня разъ по десяти уже заставляла рассказывать себѣ няню, то онъ окончился-бы блестяще. Къ несчастію, кромѣ этихъ сказокъ она не знала ничего и это заставило ее густо покраснѣть.

— Ну, что-жь? добродушно сказала Ольга Юліевна. — Мы постараемся получше выучить все и наверстать потерянное время!.. Правда, Соня?

Но ея ободряющій взглядъ не встрѣтилъ въ дѣвочкѣ отвѣта. Соня опустила голову, покраснѣла еще гуще и не отвѣтила ничего. Это униженіе, которому, какъ ей показалось, подвергла ее гувернантка, еще болѣе вооружило ее противъ нея.

Желая сгладить впечатлѣніе, Ольга Юліевна ласково провела рукою по волосамъ Сони. Но Соня рѣзко отдернула изъ-подъ ея руки свою голову и затрясла ею такъ, точно хотѣла стрясти съ себя ласку гувернантки.

Ольга Юліевна поглядѣла на нее, ничего ей не сказала и молча пошла къ себѣ въ комнату.

«Какъ она непохожа на мою сестру»... со вздохомъ подумала она.

И ей пришли на умъ другія черты лица, другая дѣтская головка съ каштановыми волосами, съ открытымъ ласковымъ взглядомъ доверчивыхъ голубенькихъ глазъ... Теперь уже вечеръ. Эта головка склонилась теперь тамъ, далеко, у себя дома, надъ книжкой или тетрадкой и прилежно

учить свой урокъ. У нея, у этой дѣвочки, нѣтъ больше отца, она тоже въ траурѣ, а ея старшая сестра должна была идти въ гувернантки и вотъ теперь она здѣсь у этой строптивой дѣвочки Сони. Кто-то ее теперь приголубитъ, эту сиротку? Кто поцѣлуетъ ее въ щечку, когда она проснется завтра утромъ или ляжетъ сегодня вечеромъ спать? Гдѣ ея старшая сестра? Хорошо-ли ей? И ласково-ли ее приняли въ ея новой семьѣ?

Гувернантка опустила на стулъ и закрыла глаза, стараясь вообразить себѣ свою младшую сестру и тоже думала о ней: Хорошо-ли ей тамъ и кто ее приголубитъ дома безъ нея?

Слезы навернулись ей на глаза. Ради этой сухой, стропливой Сони она должна была разстаться со своей маленькой любимой сестрой.

Вечеромъ къ ней въ комнату вошла няня Марфуша, постлала ей постель, пожелала ей спокойной ночи и пошла обратно. У двери она остановилась и стала мяться съ ноги на ногу.

— Вы, кажется, хотите, няня, мнѣ что-то сказать? обратилась къ ней гувернантка.

Няня поправила на себѣ растопырившійся нѣмецкій чепецъ.

— Вы меня простите, барышня... сказала она.—Вѣдь я, грѣшница, думала, что вы злощая-презлющая, а вы добренькая и хорошая, какъ и всѣ... Оно, конечно, Сонечка избалована, капризна немножко, ну, да ужъ это моя вина. Я ее набаловала. Ужъ

вы спрашивайте съ меня... А только душа у нея золотая. Да что золотая! Бриллиантовая, вотъ какая! Вотъ погодите немножко, поживете съ нами недѣльку-другую, такъ мы не разстанемся съ вами, вотъ и все! А я-то, старая дура, думала, что какъ гувернантка, то и злока! Ужъ вы меня, барышня, простите великодушно!..

— Полноте, няня... отвѣтила Ольга Юліевна.—Я увѣрена, что мы съ вами сойдемся.

— А я смотрю на васъ, какъ вы приѣхали, продолжала няня,—а сердце-то у меня такъ на части и разрывается! Малоденькая, красивая, а такая одинокая, да еще и въ траурѣ! Впрочемъ, вы простите меня, барышня... Вѣдь это я такъ... Отъ души...

— Въ чемъ-же мнѣ васъ прощать, няня?.. Наоборотъ, я должна васъ благодарить...

Няня подошла къ ней и поцѣловала ее въ голову. И эта нѣжность со стороны старушки заставила гувернантку позабыть о томъ враждебномъ приѣмѣ, который оказали ей въ первую минуту и она, и ея воспитанница Соня.

— А что, продолжала няня,—эти два сорванца-то?—Коля и Соня... Что, они вамъ еще не отлили ни одной пули? Кажется, не понравились они вамъ...

Ольга Юліевна грустно улыбнулась и не отвѣтила ничего.

Няня оглянулась по сторонамъ и, убѣдившись, что ее не слышитъ никто,

— Мнѣ нужно тебя немножко проэкзаменовать...

наклонилась надъ гувернанткой и сказала:

— Только вы, барышня, не говорите Соничкѣ, что я съ вами о ней говорила... А то ей обидно будетъ...

— Будьте покойны, няня... отвѣтила молодая дѣвушка, понявъ изъ словъ няни, что она была полной рабой у своей Сони.—Я не скажу ей ничего!

Затѣмъ потянулись дни за днями. Началось ученье, но Соня по-прежнему сопротивлялась и смотрѣла на гувернантку изподлобья. Не уступая ей ни въ чемъ и въ то-же время съ безконечными нѣжностью и добротой Ольга Юліевна исполняла свой долгъ, но, сколько она ни старалась, она не могла добиться отъ дѣвочки того,

чего желала, и все время Соня считала ее своимъ врагомъ.

Начитавшись разныхъ сказокъ о рыцаряхъ и ихъ подвигахъ, Коля тоже вообразилъ себя рыцаремъ, а такъ какъ рыцари всегда защищали слабыхъ и угнетенныхъ отъ насилій, то и Коля сталъ слѣпо считать себя защитникомъ Сони. И если-бы Соня приказала ему любить и уважать ея гувернантку, то онъ это сдѣлалъ-бы безъ всякихъ возраженій; но, къ сожалѣнію, этого не случилось, и тѣ дни, въ которые къ Сонѣ являлся въ гости Коля, были днями страданій для гувернантки. Ольга Юліевна въ такіе дни находила у себя въ туфляхъ булавки, Коля подсыпалъ ей въ носовой платокъ перцу и она чихала, и еще много кой-чего не-пріятнаго дѣлалъ ей этотъ «рыцарь»,

— Вы меня простите, барышня...

старавшійся отомстить ей за свою двоюродную сестру. Но она не жаловалась на него отцу и не упрекала Соню ни въ чемъ, все еще надѣясь добраться до ея души и повліять на нее примѣромъ. Но бывали и такія минуты, когда она просто приходила въ отчаяніе.

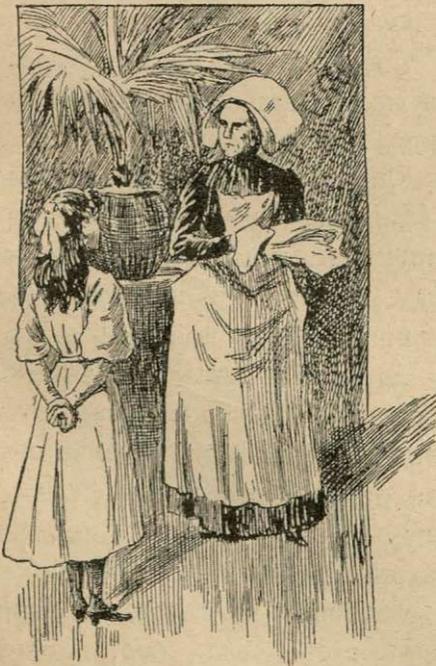
— Ну, какъ тебѣ не стыдно, Сонечка, не разъ обращалась къ своей питомицѣ Марфушѣ, — такъ относиться къ своей мадамзели? Вѣдь это грѣхъ! Вѣдь ради тебя она быть можетъ покинула свою родную семью...

— Ну, что-жъ такое?... развязно отвѣчала ей Соня.—Папа ей за это платитъ деньги!

Няня съ грустью посмотрѣла на нее и пошла своей дорогой. Какъ она теперь раскаивалась въ томъ,

На каминѣ, около часовъ, лежало распечатанное письмо.

— Папа ей за это платитъ деньги!..

что своею нѣжностью такъ избаловала и даже испортила ребенка! И какъ жалко, что Соня не умѣла цѣнить ея ласкъ и принимала ихъ себѣ, какъ должно!

Настало лѣто. Папа получилъ отпускъ, нанялъ домикъ на берегу Чернаго моря и вмѣстѣ съ дочерью, няней и гувернанткой отправился туда отдохнуть. Вмѣстѣ съ ними поѣхалъ туда-же и Коля, у котораго мать служила на телеграфѣ и потому все лѣто должна была проводить въ городѣ. Соня и Коля ѣхали къ морю въ первый разъ въ жизни и это было для нихъ такимъ счастьемъ, какого они не испытывали никогда. Они ликовали. Ихъ огорчало только одно—

это то, что съ ними вмѣстѣ ѣхала къ морю и Ольга Юліевна, которая должна была наблюдать за ними и даже, что всего хуже, въ теченіи всего лѣта заниматься съ ними по одному часу въ день.

— Всѣ лѣтомъ отдыхаютъ... обратилась Соня къ гувернанткѣ.—А вы насъ заставляете учиться... Какъ это жестоко и несправедливо съ вашей стороны!

— Ты ошибаешься, моя дорогая, спокойно отвѣтила ей Ольга Юліевна.—Отдыхаютъ только тѣ, кто хоть что-нибудь дѣлалъ въ теченіи года, а ты и Коля не дѣлали ровно ничего.

Соня надула губы и отошла къ окну вагона. Этотъ разговоръ слышалъ ея отецъ. Онъ поднялъ глаза съ газеты, которую читалъ, и строго посмотрѣлъ на Соню.

— Вы правы, обратился онъ къ гувернанткѣ, — Соня должна заниматься не менѣе часа въ день. И я прошу васъ, Ольга Юліевна, обратить самое серьезное вниманіе на ея успѣхи.

Соня надулась еще больше и стала глядѣть въ окно.

Пребываніе у моря нисколько не измѣнило поведенія Сони; наоборотъ, случались дни, когда бѣдная гувернантка положительно опускала руки и готова уже была признать себя побѣжденной. Она хотѣла даже объявить отцу Сони, что отказывается отъ мѣста и просить вмѣсто нея нанять другую, которая, быть можетъ, сьумѣетъ подойти къ Сонѣ лучше,

чѣмъ она. Но всякій разъ, какъ она хотѣла это сдѣлать, передъ ея глазами появлялась вдругъ милая головка ея маленькой сестры, жившей теперь такъ далеко отъ нея, въ чужой семьѣ, для воспитанія которой необходимъ былъ ея заработокъ. Къ тому-же и сама Соня, не смотря ни на что, казалась ей доброй, хорошей дѣвочкой, у которой не было матери и которая только поэтому такъ зачерствѣла своей душой. Что если она броситъ эту одинокую дѣвочку и не попытается найти дорожку къ ея сердцу? Не сдѣлается-ли отъ этого Соня еще хуже? Нѣтъ, Ольга Юліевна останется съ ней, она употребитъ всѣ свои усилія, чтобы Соня стала добрѣе, и, насколько возможно, замѣнить ей родную мать и согрѣетъ охладѣвшую душу этой сироты теплою хорошихъ отношеній!

А Соня въ это время дулась на нее и жаловалась на нее своему двоюродному брату.

— Она приказала мнѣ выучить про Ноя и его сыновей и повторить таблицу умноженія. Я не желаю этого дѣлать... Пусть спрашиваетъ завтра! Все равно я буду молчать!

— А знаешь, что? вдругъ обратился къ ней Коля и глаза его засвѣтились недобрымъ огонькомъ.—Когда она завтра будетъ сидѣть на берегу, я подкрадусь къ ней сзади и столкну ее въ море. Хорошо?

— Отлично! воскликнула Соня.—Только вотъ бѣда: она, кажется, умѣетъ плавать?

— Что-жъ изъ этого? Все равно ей не выбраться на крутой берегъ! А пока пойдемъ играть!..

И, взявшись за руки, они вышли въ садъ.

На слѣдующее утро, проходя мимо комнаты своей гувернантки, Соня увидала, что дверь въ нее была полуотворена. Соня изъ любопытства заглянула въ нее... Гувернантки тамъ не было. Помедливъ немного и поторговавшись со своею совѣстью, Соня вошла въ комнату и стала оглядываться по сторонамъ.

На каминѣ, около часовъ, лежало распечатанное письмо. По краямъ его были черныя полоски, что означало трауръ. Адресъ былъ написанъ дѣтской, неустановившейся рукой.

Соня вынула изъ конверта письмо и стала его читать: —

«Моя милая, дорогая Оля.

«Отчего ты мнѣ не пишешь? Теперь мнѣ только и осталось, что вспоминать, какъ мы съ тобою жили вмѣстѣ послѣ смерти нашего папы. Помнишь, какъ, бывало, зимой ты сажала меня за столъ, зажигала лампу и учила меня? Твои уроки были такъ интересны, ты такъ нѣжно ко мнѣ относилась и такъ умѣла хорошо рассказывать! Мы играли съ тобою въ четыре руки, а потомъ вмѣстѣ гуляли, разговаривали... Но ты не безпокойся, моя дорогая сестра, я общала тебѣ не плакать и сдержу свое слово. Я только завидую той дѣвчкѣ, съ которой ты теперь жи-

вешь и которую учишь. Какъ она счастлива, что ты около нея! Любить-ли она тебя? Ты ничего мнѣ объ этомъ не пишешь. А развѣ можно не любить тебя? Только неужели она стала для тебя лучше, чѣмъ я?».

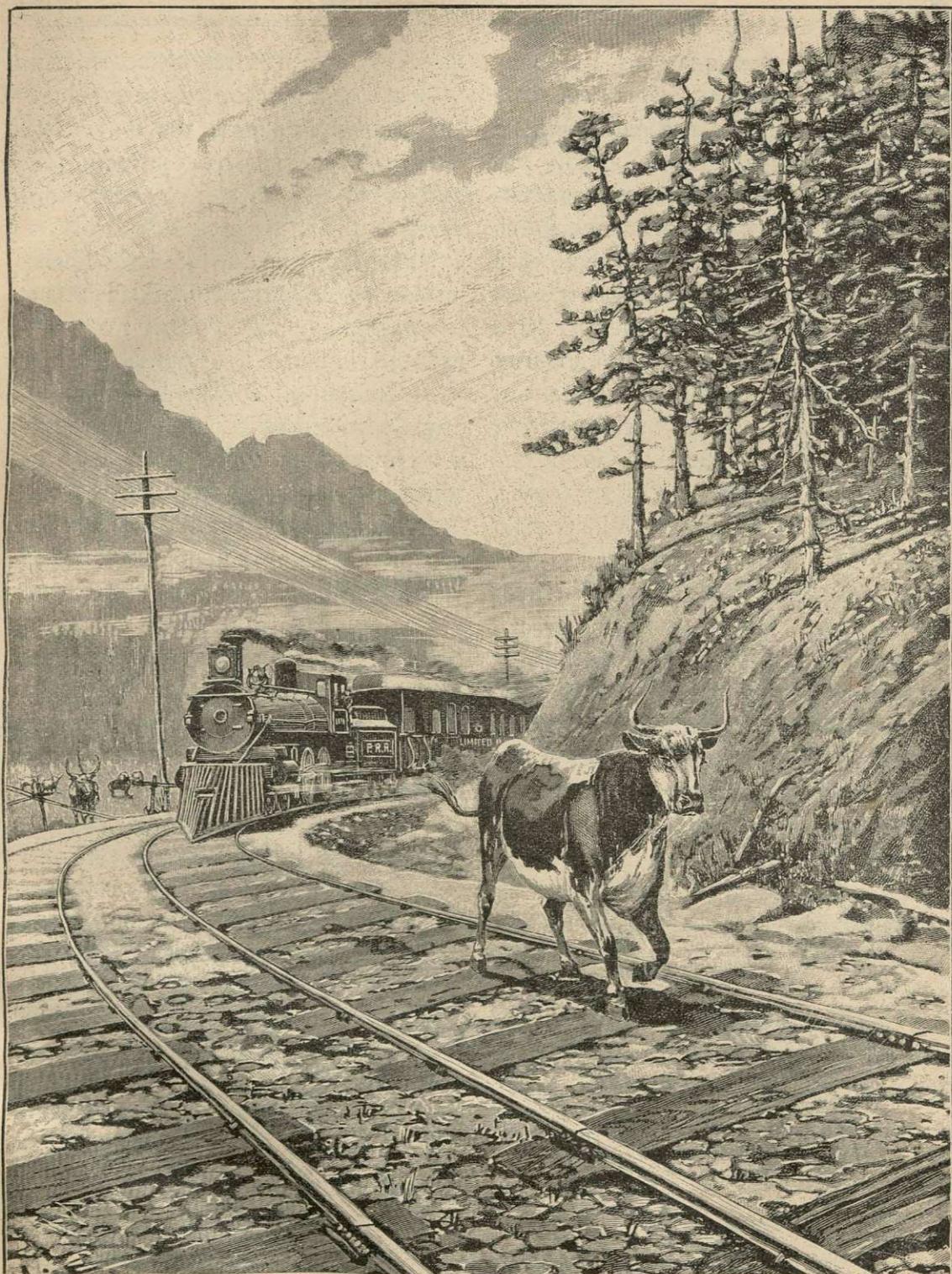
Соня остановилась и глубоко вздохнула. Странное чувство вдругъ наполнило ея душу. Гувернантка ни разу не пожаловалась на нее своей сестрѣ! Неужели-же она дѣйствительно была такъ добра?.. И Сонѣ вдругъ сдѣлалось стыдно, что она прочла строки, которыя были не ей адресованы, но какое-то новое чувство заставило ее продолжать то, что она начала. Это было уже не простое любопытство, а нѣчто болѣе важное, это было угрызеніе совѣсти и желаніе почувствовать себя такою-же, какою была и эта маленькая дѣвочка, которая написала это письмо.

«Ты спрашиваешь, продолжала она чтеніе,—какъ я провожу время въ нашемъ пансіонѣ и не скучаю-ли я? Немного скучно, такъ какъ теперь лѣто и всѣ разѣхались и только одна я осталась на все лѣто въ пансіонѣ. Но я много читаю и много играю на рояли, кромѣ того я много шью. По вечерамъ я вышиваю тебѣ воротникъ. Я хотѣла сдѣлать это для тебя въ видѣ сюрприза, но вотъ не сумѣла удержаться и проговорила».

«Будь здорова, наслаждайся у моря и не забывай свою маленькую сестру. Помни, что на всемъ бѣломъ свѣтѣ мы остались съ тобою только двѣ и что ты для меня дороже всѣхъ на свѣтѣ».

Упустила

Кто скорѣе?

Соня почувствовала какъ къ горлу ея подкатили слезы и строки запрыгали у нея передъ глазами. Она не знала этой дѣвочки, но какой хорошій урокъ преподала ей эта незнакомка своимъ нѣжнымъ, честнымъ отношеніемъ къ сестрѣ. Теперь ужъ Ольга Юліевна представилась и Сонѣ совсѣмъ другою; теперь уже это была добрая дѣвушка, безконечно дорогая для другой такой-же дѣвочки, какъ и Соня, и кромѣ ея, этой гувернантки, у этой ея сверстницы не было никого. А сколько разъ Соня была съ ней груба, несправедлива, сколько разъ она причиняла страданія этой одинокой, безродной сиротѣ! «Папа ей платитъ деньги», не разъ говорила она нянѣ, точно деньгами можно оплатить всю ту сумму доброты и нѣжности, которою окружала ее гувернантка. Неужели деньгами могутъ быть оцѣниваемы доброе сердце и нѣжная душа?

И вдругъ до нея донеслись слова ея няни Марфуши:

— Бѣдная дѣвушка свалилась въ море и, говорятъ, не умѣла плавать и потонула.

Соня испустила крикъ ужаса. Она вспомнила о намѣреніи Коли и тяжкія предчувствія вдругъ овладѣли всѣмъ ея существомъ. Несомнѣнно, это говорилось о гувернанткѣ, и теперь для Сони было ясно, что она погибла, именно благодаря ей.

Но, можетъ быть, она еще жива? Быть можетъ, она еще не захлебнулась совсѣмъ и ее теперь вытащили

на берегъ и стараются привести ее въ себя и возвратить ее къ жизни, которая такъ нужна была для ея сестры?

И въ ужасѣ, полная сомнѣній, Соня выбѣжала изъ дома и со всѣхъ ногъ пустилась къ морю...

Увы! Старушка-няня была права: на берегу собралась большая толпа и всѣ только и говорили, что о дѣвущкѣ, упавшей въ море.

— Нашли-ли ее? Вытащили-ли ее? стала спрашивать Соня у встрѣчныхъ и чувствовала, какъ ноги едва ее держали и какъ дрожали всѣ ея члены.

— Да, вытащили... отвѣчали ей прохожіе,—только... Впрочемъ, посмотрите сами!

Но она не рѣшилась подойти поближе, чтобы посмотрѣть самой, и только издалека увидала женскую фигуру, безнадежно лежавшую на пескѣ, блѣдную, съ волосами, широко разметавшимися вокругъ головы... И ей послышалось вдругъ, какъ ее стала упрекать та маленькая дѣвочка, которая писала письмо, за то, что она такъ жестоко обошлась съ ея сестрой, и вдругъ стало безконечно жаль этого глупенькаго «рыцаря» Колю, который изъ-за нея сдѣлалъ такой нехорошій поступокъ.

Все закружилось вокругъ Сони: и береговые камни, и люди, и корабли. Въ глазахъ у нея помутилось, она хотѣла крикнуть, позвать на помощь, но у нея не хватило силъ, ноги у нея подкосились и всею тяжестью своего тѣла она упала въ чьи-то протянутыя къ ней руки.

— Бѣдняжка! Тебѣ не слѣдовало бы видѣть этой сцены!

Но что за чудо? Это голосъ гувернантки!

Соня открываетъ глаза и вдругъ видитъ передъ собою Ольгу Юліевну. Она стоитъ передъ нею невредима и нѣжно прижимаетъ ее къ себѣ.

— Это вы... бормочетъ Соня.—А я такъ боялась!.. я думала, что утонули это вы!..

— Значитъ, ты меня хоть немножко любишь? спрашиваетъ ее гувернантка.

— Да... отвѣчаетъ Соня и чувствуетъ, какъ ея сердце вдругъ начинаетъ таять. Теперь я васъ люблю... Но вы должны прежде узнать все, а потомъ... потомъ можете меня презирать... Я это заслужила.

— Полно, Сонечка, полно, говоритъ Ольга Юліевна и ласково проводитъ рукой по ея волосамъ.—Ты взволнована, дитя мое, тебѣ надо успокоиться... Пойдемъ домой!

И, взявши ее за талию, она направляется съ нею къ дому, а Соня плачетъ и въ то-же время рассказываетъ ей все о себѣ и о Коля. И эти слезы сразу облегчаютъ ея сердце и сразу перерождаютъ ее въ другую дѣвочку. Соня поднимаетъ голову, глядитъ въ глаза своей гувернанткѣ и чувствуетъ, какъ между ними устанавливается вдругъ тѣсная связь, какая можетъ существовать только между старшей и младшей сестрой...

— Давно-бы такъ!.. говоритъ гувернантка.

Соня опускаетъ глаза, краснѣетъ,

а потомъ порывисто бросается ей на шею.

Дѣвушка, которую Соня приняла за гувернантку, скоро пришла въ себя. Входя въ море, она оступилась, упала въ воду и была подхвачена волной. Ее поймали, вынесли на берегъ и она долго еще пролежала безъ чувствъ. Всѣ приняли ее за утопленницу, столпились вокругъ нея и по всему оклодку сразу разнеслась молва, что она утонула. Но ее стали растирать, сдѣлали ей искусственное дыханіе и кончилось дѣло тѣмъ, что она открыла глаза и глубоко вздохнула. Ее отнесли домой, уложили въ постель, а на другой день она была уже совсѣмъ здорова.

А Соня сразу перемѣнилась. вмѣстѣ съ нею перемѣнился и ея двоюродный братъ: достаточно было только ей сказать ему, что она помирилась со своей гувернанткой и стала ее любить и уважать, какъ и Коля сдѣлался ея вѣрнымъ рабомъ. Лучше Ольги Юліевны теперь не было для него никого на свѣтѣ. Онъ не зналъ, чѣмъ ей прислужить, чѣмъ быть для нея полезнымъ и, казалось, не существовало такого препятствія, котораго онъ не рѣшился-бы преодолѣть, чтобы только сдѣлать для гувернантки что-нибудь пріятное.

Ольга Юліевна не могла ими нахвалиться.

— Мадмуазель, обратилась однажды къ ней Соня и подняла на нее свои обожавшія глаза.—Пожалуйста, исполните мою просьбу. Я напередъ

Это было угрызение совѣсти.

— Это вы... бормочетъ Соня.—А я такъ боялась!

знаю, что папа ничего не будетъ имѣть противъ... Пригласите къ намъ жить вашу маленькую сестру! Мы будемъ вмѣстѣ съ нею играть, бѣгать по берегу моря... Увѣрю васъ, что я буду такая-же послушная и прилежная,

какъ и она... А она... она научитъ меня еще больше любить васъ!

Ольга Юліевна схватила ее за голову и стала цѣловать ее въ губы, въ лобъ, въ глаза.

— Милая!.. Милая!.. только и могла она говорить.

Соня выбѣжала изъ дома и со всѣхъ ногъ пустилась къ морю.

— Пожалуйста, исполните мою просьбу!

А когда насталь вечерь, Ольга Юліевна взяла Соню и Колю за руки и пошла вмѣстѣ съ ними на телеграфъ. Здѣсь она взяла синюю бумагу и написала на ней слѣдующую телеграмму своей сестрѣ:

«Дорогая Лиза, немедленно пріѣзжай сюда ко мнѣ. Ты проведешь все лѣто съ нами. Телеграфируй, когда нужно будетъ тебя встрѣчать».

Она подала этотъ листокъ телеграфисту, онъ принялъ его отъ нея и тотчасъ-же сталъ передавать ее по аппарату.

— А какъ-же Лиза поѣдетъ сюда

одна? спросила ее Соня.—Вѣдь въ дорогѣ ее могутъ обидѣть?

Ольга Юліевна улыбнулась.

— Доброга не обидитъ никто, отвѣтила она,—а если кто и обидитъ, то вскорѣ самъ-же станетъ его другомъ. Побѣждаетъ только тотъ, кто добръ.

И всѣ вмѣстѣ, веселье и полные счастья жизни, они отправились къ себѣ домой.

Было темно, свѣтили южныя звѣзды и море ласково шумѣло у береговыхъ камней.

Г. Безансонъ.

ВЪ НЕВОЛѢ.

Въ неволѣ обезьянка умирала,
Былъ кашель у нея такой, какъ лай,
И къ ней, къ больной, подъ одѣяло
Залѣзъ зеленый попугай.

Была зима и холодно имъ было,
Никакъ они согрѣться не могли,
По родинѣ далекой сердце ныло
И солнышка хотѣлось хоть вдали.

И видѣлись имъ пальмы, ананасы,
Бананы гордые... Глядѣли изъ травы
Цвѣточки дивныя, растеній были массы
И проходили мимо львы.

И солнце ласково свѣтило надъ при-
родой,
Все было зелено и радостно кругомъ,
Дышало все обильемъ и свободой
И сводъ небесъ дышалъ тепломъ.

А здѣсь... Приходится ѣсть мясо...
Зимы рано
Несутъ снѣга... Такъ хочется домой!
И въ ужасѣ больная обезьяна
Лохмотьями укрылась съ головой.

А къ утру обезьяна околѣла,
Издохъ за ней и грустный попугай;
Кухарка дворнику ихъ выбросить
велѣла
И не сказалъ никто «Прощай!»

Ирисъ.

ЧУЖОЕ ИМЯ.

Романъ ¹⁾.

Прологъ.

Анна Миллеръ получила отъ своей сестры Леди Ваграмъ изъ Швейцаріи письмо слѣдующаго содержанія:—

«Дорогая Анна. Вотъ уже четвертый годъ мы живемъ въ Швейцаріи и только со вчерашняго дня вздохнули свободно. Вчера мы переселились въ свой собственный домъ, который выстроили на берегу Невшательскаго озера и, слѣдовательно, теперь намъ не нужно уже будетъ жить въ гостинницахъ и переѣзжать съ дачи на дачу. Нашъ домъ очарователенъ, мѣсто—восторгъ. Волны озера подкатываются прямо къ нашему саду, а надъ нами возвышаются красивыя, голубыя горы. У насъ очень много комнатъ, но увы! всѣ онѣ стоятъ безмолвно, потому что у насъ нѣтъ дѣтей; и въ нашемъ удивительномъ, поэтическомъ саду не раздаются ихъ веселые крики. Ахъ, дорогая сестра, если бы ты знала, какъ мнѣ хочется имѣть ребенка! Мужъ тоскуетъ безъ дѣтей, я цѣлые дни провожу одна, въ праздности, и оба мы такъ одиноки!

«Ты можешь помочь намъ, дорогая Анна. Намъ хотѣлось-бы усыновить

чьего-нибудь ребенка, но такъ какъ мы оба англичане, то хотѣлось-бы, чтобы и ребенокъ былъ тоже англичанинъ. Поэтому съѣзди пожалуйста въ Лондонскій Воспитательный домъ и выбери тамъ для насъ ребеночка, только съ условіемъ, чтобы онъ былъ моложе года и мальчикъ. Выборъ я предоставляю тебѣ. Извини, что причиняю тебѣ столько хлопотъ. Когда выберешь ребенка, то привези его къ намъ изъ Англіи сюда, вмѣстѣ со своими дѣтьми. Вы у насъ погостите.

«Ребенокъ будетъ носить нашу фамилію и расти у насъ въ полной увѣренности, что онъ нашъ сынъ. Ему-же мы оставимъ и наше состояніе. Но намъ не хотѣлось бы, чтобы до 30-ти лѣтъ онъ узналъ о своемъ происхожденіи, поэтому запиши ты его въ Воспитательномъ домѣ на свое имя, а наше имя мы передадимъ ему уже здѣсь въ Швейцаріи. Но такъ какъ у этого ребенка могутъ отыскаться впослѣдствіи свои собственные родители, которые могутъ оставить ему состояніе впослѣдствіи, то чтобы не лишать его счастья, мы сдѣлаемъ распоряженіе, чтобы ему было

¹⁾ Собственность «Золотого Дѣтства».

сообщено, кто онъ такой, какъ только ему исполнится ровно 30 лѣтъ. До тридцати-же лѣтъ онъ будетъ считать себя нашимъ сыномъ.

«Постарайся поскорѣе исполнить эту мою просьбу, отвѣчай мнѣ неме-

дленно по почтѣ и позволъ надѣяться, что это мое желаніе будетъ исполнено.

Остаюсь любящая тебя сестра
Бетти Ваграмъ.

Мужъ мой тебѣ очень кланяется и шлетъ свой привѣтъ».

I.

Въ Лондонѣ, по большимъ часамъ на церкви Св. Павла—десять вечера. Полная луна; по небу ходятъ легкія облака. День былъ мокрый, грязный и на улицахъ еще стоитъ грязь. Около заднихъ воротъ Воспитательнаго дома ходитъ взадъ и впередъ дама подъ вуалью. Надъ нею—чистое, лунное небо, подъ нею—грязная, неровная мостовая. Она ходитъ по этой мостовой и то и дѣло поднимаетъ глаза къ небу и шепчетъ молитву.

Она чего-то ждетъ и чего-то боится.

Глубокія ворота Воспитательнаго дома отворяются и изъ нихъ выходитъ молодая женщина. Дама подъ вуалью останавливается, всматривается и идетъ слѣдомъ за молодой женщиной.

Пройдя двѣ-три улицы, дама подъ вуалью тихонько трогаетъ ее за плечо. Молодая женщина вздрагиваетъ и останавливается.

— Чего вы отъ меня хотите? спрашиваетъ она ее.

— Вы одна изъ надзирательницъ Воспитательнаго дома? въ свою очередь спрашиваетъ ее дама подъ вуалью.

— Да, я состою при Воспитательномъ домѣ. Я—Джемми.

— На лицѣ вашемъ столько доброты, что дѣти должны скоро привыкать къ вамъ...

— Да, они любятъ меня...

Дама поднимаетъ вуаль и показываетъ свое лицо. Оно еще молодое, но все истерзано горемъ.

— Я—несчастливая мать ребенка, находящагося въ Воспитательномъ домѣ, говоритъ она. — Я была бѣдна, погибала съ голоду, никто не хотѣлъ мнѣ помочь и вотъ, чтобы мой ребенокъ не умеръ, я отдала его въ Воспитательный домъ. Выслушайте меня, исполните мою просьбу. Не отвергайте моей сердечной мольбы, я такъ несчастна, такъ измучена, истерзана горемъ и тоской!

— Чего-же вы отъ меня хотите? спрашиваетъ Джемми.

— Джемми милая, добрая Джемми, рыдаетъ дама, хватаясь за ея платье.— Умоляю васъ, выслушайте меня!

— Я не могу выслушать васъ, отвѣчаетъ Джемми, потому что намъ воспрещено разговаривать съ посторонними. Къ тому-же я выхожу за

мужъ и уже больше не буду служить въ Воспитательномъ домѣ. Обратитесь къ моей замѣстительницѣ, быть можетъ она будетъ уступчивѣе меня...

— Джемми! послушайте, милая. Я прошу не помощи въ будущемъ. Просьба моя относится только къ прошедшему. Скажите мнѣ только два слова.

— Какія?

— Какъ назвали моего ребенка? Больше мнѣ ничего не нужно. Я ничего больше не спрашиваю. Я отдала его въ вашъ Домъ 2-го Сентября вечеромъ. Какъ его назвали?

Въ порывѣ отчаянной мольбы дама хотѣла упасть на колѣни на мокрая, грязныя плиты переулка, въ которомъ обѣ онѣ остановились.

— Что вы! Что вы! удержала ее Джемми.—Богъ съ вами! Я и такъ... Дайте мнѣ обѣ ваши руки... Теперь обѣщайте мнѣ, что вы спросите у меня только два слова, не больше... Въдъ намъ строго запрещено сообщать другимъ тайны Воспитательнаго дома.

— Обѣщаю!

— Что-же вы хотите знать?

— Какъ назвали моего ребенка?

Джемми глубоко вздохнула.

— Да проститъ меня Богъ! сказала она.—Вашего ребенка назвали Генри Тернеръ.

Дама поцѣловала Джемми въ лицо, крѣпко сжала ее въ объятіяхъ, прошептала: «Поцѣлуйте его за меня!» и ушла.

Дорогой она думала:

— Теперь я знаю, какъ назвали моего сыночка. Я буду трудиться, зарабатывать деньги и когда не буду нуждаться, возьму его къ себѣ и буду жить вмѣстѣ съ нимъ. Да хранить его Богъ!»

На слѣдующій день, въ десять часовъ утра къ Воспитательному дому подѣхалъ щегольской экипажъ. Изъ него вышла роскошно одѣтая дама.

— Вамъ кого? спросилъ ее привратникъ.

— Я Анна Миллеръ... отвѣтила ему дама.—Я приѣхала сюда для того, чтобы взять на усыновленіе какого-нибудь ребенка, находящагося въ Воспитательномъ домѣ. Своихъ дѣтей у меня нѣтъ и мнѣ хотѣлось-бы имѣть хотя чужое дитя... Къ кому я могу обратиться?

Привратникъ оглядѣлъ даму съ ногъ до головы и пропустилъ ее въ ворота.

— Пожалуйте... сказалъ онъ.— Обратитесь, къ господину дежурному директору. Онъ можетъ выбрать для васъ самое лучшее дитя! У насъ ихъ много!

Анна Миллеръ вошла въ Воспитательный домъ.

— Могу ли я видѣть г-на директора? обратилась она къ проходившему мимо чиновнику.

— Сейчасъ онъ въ Воспитательномъ домѣ, отвѣтилъ чиновникъ,— дѣлаетъ обходъ палатъ и отдаетъ распоряженія. Вы можете его видѣть тамъ.

Давай дорогу!

Анна Миллеръ вошла въ Воспитательный домъ. Здѣсь ее встрѣтила одна изъ надзирательницъ и, узнавъ, что ей нужно, провела ее къ директору въ кабинетъ.

— Г. директоръ окончилъ уже обходъ палатъ, сказала она, — и теперь сидитъ у себя въ кабинетѣ. Какъ объ васъ доложить?

Анна Миллеръ сказала и ее тотчасъ же принялъ директоръ.

— Чѣмъ могу быть вамъ полезенъ? спросилъ онъ ее.

Она объяснила ему, въ чемъ дѣло.

— Съ большимъ удовольствіемъ, сказалъ онъ. — Вы хотите взять только на воспитаніе, или усыновить? Сейчасъ я проведу васъ въ палату

№ 14 и тамъ вы выберете себѣ самаго красиваго ребенка.

Онъ отворилъ передъ нею дверь и по длинному корридору провелъ ее въ большую комнату, въ которой по стѣнамъ стояли колыбели и въ нихъ лежали младенцы. Одни изъ нихъ громко плакали, другіе улыбались, а третьи крѣпко спали. Тутъ-же стояли кормилицы и между ними важно прохаживалась надзирательница.

— Вотъ вамъ довольно большой выборъ! обратился директоръ къ Аннѣ Миллеръ. — И блондины, и брюнеты! Какого только захотите.

Анна Миллеръ обошла всѣхъ младенцевъ и долго приглядывалась къ каждому изъ нихъ. Затѣмъ она остановилась около одной колыбели, вынула изъ нея ребеночка и крѣпко его поцѣловала.

— Вотъ этого! сказала она. — Пусть онъ будетъ моимъ!

Директоръ тоже подошелъ къ ребенку и потрепалъ его по щечкѣ.

— Прекрасный малютка! сказалъ онъ.

— А какъ его зовутъ? спросила у него Анна Миллеръ.

Директоръ посмотрѣлъ на номеръ ребенка, затѣмъ заглянулъ въ какую-то книгу и сказалъ:

— Его зовутъ Генри Тернеръ.

— Генри Тернеръ? переспросила Анна Миллеръ: — Какое нехорошее имя! Ну, я назову его иначе!

И, взявъ ребенка, она прижала его къ себѣ и, радостная, вышла изъ

палаты № 14, сѣла въ экипажъ и укатила.

Въ тотъ-же день вечеромъ ее видѣли на кокзалѣ. Она стояла около вагона I-го класса и тутъ-же около нея богато одѣтая кормилица держала на рукахъ ребенка. Это былъ Генри Тернеръ.

Раздался звонокъ, онѣ вошли въ вагонъ и скоро уѣхали неизвѣстно куда.

А на другой день утромъ кто-то подкинулъ въ Воспитательный домъ ребенка. Это былъ мальчикъ, весь завернутый въ тряпье, и видно было, что онъ происходилъ отъ крестьянъ или отъ портовыхъ рабочихъ. На немъ была приколотая записка:

«Не крещенъ. Имени не имѣетъ. Намъ онъ не нуженъ».

Сторожъ принялъ его и понесъ въ Воспитательный домъ. Здѣсь одна изъ надзирательницъ выдвинула на средину комнаты купель, явился пасторъ и подкидыша стали крестить.

— А какъ его назвать? обратился пасторъ къ директору.

— Да какъ назвать? смутился директоръ. — Сразу-то и не придумаешь! Ну, Иванъ что-ли, Петръ, Семень... Не все-ли равно!

— А фамилія?

— Ну, ужъ этого сразу не придумаешь!

Въ это время къ директору подошла надзирательница.

— Не назвать-ли намъ его, сударь, Генри Тернеромъ? сказала она. Вчера Анна Миллеръ взяла нашего Генри Тернера себѣ и теперь это имя освободилось

— Ну, вотъ и отлично! обрадовался директоръ.— Генри, такъ Генри!..

И пасторъ окрестилъ новаго пришельца, какъ Генри Тернера.

А старый бухгалтеръ, сидѣвшій у себя въ конторѣ, открылъ свою толстую книгу, въ которую вписывались всѣ питомцы Воспитательнаго дома и записалъ его такъ: «Декабря 30-го, 1835 года. Подкинутъ мальчикъ. Безъ примѣтъ. Крещенъ въ Воспитательномъ домѣ. Названъ Генри Тернеръ. № 1213».

II.

Прошло двѣнадцать лѣтъ. Было воскресенье и часы на колокольнѣ Св. Павла показывали половину второго пополудни. На часахъ Воспитательнаго дома было столько-же, обѣдня въ домово́й церкви кончилась и всѣ воспитанники-подкидыши обѣдаютъ.

Какъ и всегда, — во кругъ столовъ ходятъ надзиратели и надзирательницы. Ясное осеннее солнце бьетъ въ комнаты и оконныя рамы отражаются на противоположной стѣнѣ. Кромѣ надзирателей и надзирательницъ, ходятъ еще другіе посѣтители, посторонія лица, и по временамъ останавливаются то у того, то у другого личика и озабоченно перешептываются.

Одинокая дама подъ вуалью тоже ходитъ между посѣтителями. Она еще ни разу здѣсь не бывала, слегка сконфужена и идетъ вдоль столовъ неровными, нерѣшительными шагами.

Наконецъ она дошла до столовой мальчиковъ. Тамъ, сравнительно съ приѣмной дѣвочекъ оказывается такъ мало посѣтителей, что комната почти пуста.

Почти у самыхъ дверей стоитъ женщина немолодой, почтенной наружности, не то надзирательница, не то экономка. Дама подъ вуалью обращается къ ней съ вопросами, въ родѣ: «сколько здѣсь мальчиковъ? Какихъ лѣтъ ихъ обыкновенно выпускаютъ изъ Воспитательнаго дома? Бываютъ-ли изъ нихъ охотники идти въ гимназію и затѣмъ въ университетъ?» И такъ далѣе, все тише и тише, все ниже и ниже шопотомъ, пока наконецъ дама подъ вуалью не поставила вопроса:

— Который изъ нихъ Генри Тернеръ?

Надзирательница покачала головой. Она не можетъ выдавать постороннимъ тайнъ Воспитательнаго дома. Это противъ правилъ.

— Вы знаете, который изъ нихъ Генри Тернеръ? вновь спросила дама подъ вуалью.

Надзирательница такъ близко чувствуетъ на себѣ пристальный, настойчивый взглядъ дамы подъ вуалью, что нарочно не поднимаетъ глазъ, чтобы какъ нибудь нечаянно не выдать себя и не взглянуть въ томъ направленіи, которое могло-бы ее выдать.

— Я знаю, который изъ нихъ Генри Тернеръ, отвѣтила она наконецъ, но я не имѣю права называть

дѣтей посѣтителемъ. Передъ посѣтителемъ всѣ дѣти равны.

— Но вы можете не называть, а показать.

Рука дамы подъ вуалью тихо ложится на руку надзирательницы. Сердце надзирательницы смягчается.

— Я обойду столы, говоритъ она, какъ будто обращаясь не къ дамѣ подъ вуалью, а къ самой себѣ. — Слѣдите за мной глазами. Я остановлюсь возлѣ одного мальчика и заговорю съ нимъ; до этого мальчика вамъ нѣтъ дѣла, но тотъ мальчикъ, который сидитъ рядомъ съ нимъ и которому я положу руку на плечо, и будетъ Генри Тернеръ. Не говорите со мной ни слова больше и отойдите отъ меня.

Дама подъ вуалью тотчасъ-же отошла отъ надзирательницы и стала прохаживаться взадъ и впередъ, поглядывая вокругъ. Черезъ нѣсколько минутъ и надзирательница съ строго-важнымъ выраженіемъ въ лицѣ и пріемахъ отправилась вдоль столовъ. Пройдя вдоль всего ряда, она повернула направо и стала возвращаться назадъ уже вдоль другого ряда столовъ. Взглянувъ затѣмъ украдкой на даму подъ вуалью, она остановилась и стала разговаривать съ однимъ изъ мальчиковъ. Мальчикъ, съ которымъ она говорила, поднялъ голову и сталъ ей отвѣчать. Ласково улыбаясь и слушая его, она положила руку на плечо другого мальчика, сидѣвшаго по правую сторону.

Чтобы движеніе это было замѣчено, она слегка потрепала его по плечу, продолжая предлагать вопросы мальчику, съ которымъ завела разговоръ. Потомъ она окончила обходъ, ни къ кому больше не прикасаясь, и вышла изъ двери, противоположной той, у которой къ ней подошла дама подъ вуалью.

Обѣдъ кончился. Дама подъ вуалью прошла вдоль столовъ на лѣвую сторону, обошла ихъ и стала возвращаться съ правой. Посѣтителей прибыло и даму подъ вуалью не такъ замѣтно. Она останавливается около мальчика, до котораго дотронулась надзирательница, поднимаетъ вуаль и спрашиваетъ сколько ему лѣтъ.

— Двѣнадцать, отвѣчаетъ тотъ, устремляя на нее свои довѣрчивые глаза.

— Хорошо вамъ здѣсь?

— Да...

— Можно вамъ дать вотъ эти конфеты?

— Пожалуйста...

Дама подъ вуалью наклоняется, чтобы передать ему конфеты, прикасается къ лицу мальчика лбомъ и волосами и говоритъ:

— Я твоя мать, Генри... Я разбогатѣла и теперъ могу взять тебя къ себѣ. Только не говори пока объ этомъ никому.

И опустивъ вуаль, она не оглядываясь уходитъ изъ столовой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

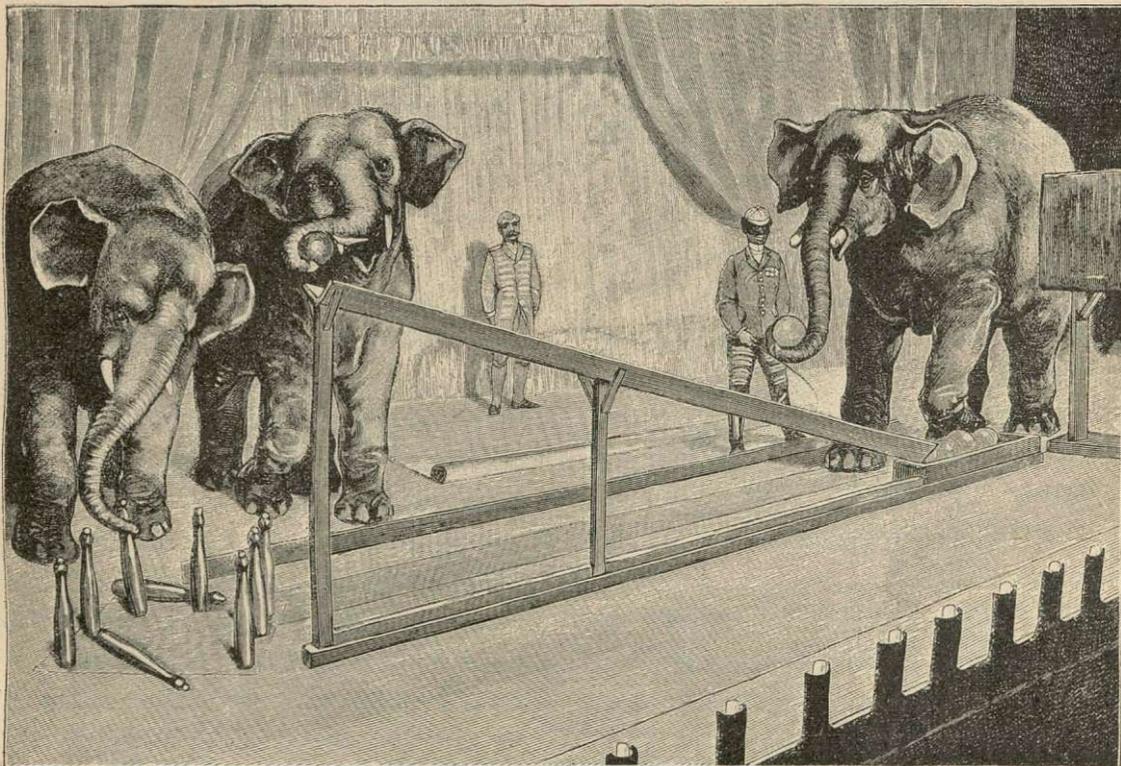

ФОКУСНИКЪ КОЛЯ.

Зина, Вѣрочка, Валя и Володя такъ много бѣгали, играли, что имъ жарко стало. Захотѣлось имъ пить, а пить было нечего. Самоваръ еще не вски-

разводя руками, отвѣчаетъ имъ няня. — Вотъ погодите, самоваръ вскипитъ, напою васъ чайкомъ!

— Долго ждать, няня, а мнѣ сей-

Ученые слоны играютъ въ кегли.

пѣль, молока не было. Сырую воду имъ строго-на-строго запретили пить, а кипяченая вода, налитая въ графинъ, стала такая мутная, что на нее и смотрѣть неприятно.

— Няня, пить хотимъ! просятъ дѣти. Дай намъ пить.

— Гдѣ-же я вамъ, дѣтушки, питья достану? Ничего у меня нѣту!.. —

часть пить хочется! — ноетъ шестилѣтняя Зиночка.

Услышавъ дѣтей ихъ старшій братъ, гимназистъ Коля, пришелъ къ нимъ, взялъ графинъ съ грязной водой, и позвалъ ихъ къ себѣ въ комнату.

— Эхъ вы, необразованные люди! сказалъ онъ. — Садитесь сюда, смотрите, что я дѣлать буду!

— Дѣти усѣлись и стали глядѣть на Колю, не спуская глазъ. Коля достала чистую банку съ узкимъ горлышкомъ, сбѣлала изъ пропускной бумаги воронку, воткнула ее въ горлышко банки, налилъ туда воды изъ графина.

Медленно, капля по каплѣ, стала просачиваться въ банку вода. Къ удивленію дѣтей, стекая въ банку, вода стала становиться совершенно чистой.

— Коля! Какъ это ты догадался? воскликнули дѣти. — Отчего вода стала чистой?

— Очень просто! — отвѣтилъ имъ Коля съ ученымъ видомъ: — Вода стала чистой оттого, что я ее профильтровалъ.

— Что, что? Какъ ты сказалъ? — удивились дѣти. — Ну-ка, повтори еще разъ!..

— Про-филь-тро-валъ! — медленно произнесъ Коля.

— Профильтровалъ! — хоромъ повторили дѣти и звонко расхохотались. Вотъ такъ слово мудреное!.. Трудное слово! Про-филь-тро-валъ... Въ другой разъ и не повторишь!

— А натошакъ даже и не говоришь... проворчала няня. — И какимъ только словамъ васъ въ гимназій учать, прости Господи...

— А что значитъ «профильтровалъ»? спросили дѣти.

— Это значитъ, что я очистилъ воду отъ грязи, отъ постороннихъ примѣсей... важно объяснилъ имъ Коля. — Вотъ и все!

— Отъ постороннихъ примѣсей?.. Что это, Коля, какъ ты говоришь смѣшно?..

— Ну, да! — разсердился Коля. — Вода просочилась сквозь пропускную бумагу и стекла въ банку, а частицы грязи остались на бумагѣ. Что же тутъ смѣшного? — Я еще по другому умѣю фильтровать, — похвастался Коля, довольный тѣмъ, что дѣти его слушаютъ внимательно.

Онъ свернулъ еще воронку изъ бумаги, воткнулъ ее въ горлышко другой банки, насыпалъ въ нее толченого угля, и опрокинулъ туда цѣлый пузырекъ чернилъ.

Къ большому изумленію дѣтей, въ банку стала стекать по капелькѣ вмѣсто чернилъ совершенно безцвѣтная жидкость. Восторгу дѣтей не было конца.

— Коля фокусникъ!.. Коля волшебникъ! Коля чудеса умѣетъ дѣлать!.. Чернила у него въ воду обращаются! — зашумѣли дѣти, запрыгали, заскакали и такую возню подняли, что чуть было столъ не опрокинули.

— Какіе вы необразованные люди, сказалъ Коля. — Точно какіе-нибудь папуасы или дикари!

И онъ выпроводилъ ихъ изъ комнаты.

— А пить-то ты намъ все-таки и не далъ! — вспомнили дѣти и стали съ тоской поглядывать на опустѣвшій графинъ.

Но въ это время вошла горничная и сказала, что самоваръ уже поспѣлъ.

Дѣти гурьбой побѣжали въ столовую и стали пить чай.

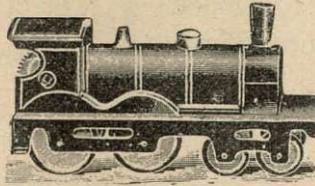
— Коля, что-же ты не идешь? крикнула няня, когда дѣти почти уже отпили чай.

— Спасибо, отвѣтилъ Коля, — Я уже воды напился!

— Да вѣдь она была грязная! у тебя заболитъ животъ!

— Не заболитъ... съ гордостью отвѣтилъ Коля. — Разъ вода профильтрована, — значитъ чистая! На то и фильтръ, чтобъ воду очищать!..

В. О. Смѣльская.

АРИМОГРАФЪ № 1.

Слово состоитъ изъ 13 буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. Буквы 5. 11. 7. 4. 5. 6. 7. 2. 1. 11 означаютъ названіе науки, 7. 8. 5. 6. 7. 13—овощъ, 9. 10. 6. 12. 2. 7. 13—то, изъ чего дѣлаются карандаши, 7. 6. 7. 11. 10. 2. 3. 13—человѣкъ монгольскаго племени, 11. 10. 8. 5. 11. 7. 13—пріятный запахъ, 9. 2. 7. 11. 10. 6—музыкальный инструментъ, 12. 10. 6. 1. 13—мужской костюмъ, 12. 6. 1. 2. 10. 13—индійскаго фокусника, 5. 9. 1. 11. 1. 6—обезьяну, 5. 11. 9. 3. 2. 7. 13—силу природы. Найти эти слова и задуманное слово, которое означаетъ новѣйшее изобрѣтеніе, доставляющее интересное развлеченіе.

ЗАДАЧА № 1.

Изъ каждой изъ нижеслѣдующихъ фразъ взять по одному только слову и составить изъ этихъ словъ фразу,

которой начинается извѣстная басня И. А. Крылова:

1) Такая была стужа, что воронѣ пришлось замерзнуть.

2) Мы потеряли наши вещи гдѣ-то по дорогѣ со станціи въ усадьбу.

3) Получивъ милостыню, нищій сказалъ:— «Пошли вамъ Богъ зловрѣя!»

4) Петръ Великій послалъ многихъ юношей учиться за границу.

5) Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!

6) Въ Швейцаріи много приготовляютъ вкуснаго сыру.

ЗАДАЧА № 2.

Изъ слѣдующихъ слоговъ составить двѣ первыя строки извѣстной басни Дмитріева:—

Гахъ, ро, на, ла, дѣ, си, го, не, у, ха, му, а, дахъ, тру, по, ся, щил, та, кой, по, на, гомъ, плу, съ быкъ.

ГОЛОВОЛОМКА № 1.

Задуманы названія: 1) насѣкомаго, 2) фрукта съ косточкой, 3) ягоды, 4) принадлежности дачи и усадьбы, 5) металла, 6) города на Днѣпрѣ, 7) дерева, 8) принадлежности уздечки, 9) церкви, 10) рыбы.

Найти въ нихъ по порядку: 1) рыбное кушанье, 2) дерево, растущее около воды, 3) мѣсто, гдѣ каждый изъ насъ родился, 4) большое поселеніе, 5) часть тѣла животнаго и человѣка, 6) хищнаго звѣря, 7) части экипажа, 8) насѣкомое, 9) дремучій лѣсъ, 10) рыболовный инструментъ.

Отгадать задуманныя слова.

(Предложила Леля Владыкина)

ГОЛОВОЛОМКА № 2.

Въ одномъ и томъ-же названіи южнаго города заключаются: 1) имя первой женщины, 2) число и 3) дерево.

Если въ немъ перемѣстить буквы, то можно получить: 1) названіе перваго проповѣдника христіанства, 2) мѣсто, гдѣ спятъ, 3) металл, и 4) то, что прививаютъ ребенку въ раннемъ дѣтствѣ.

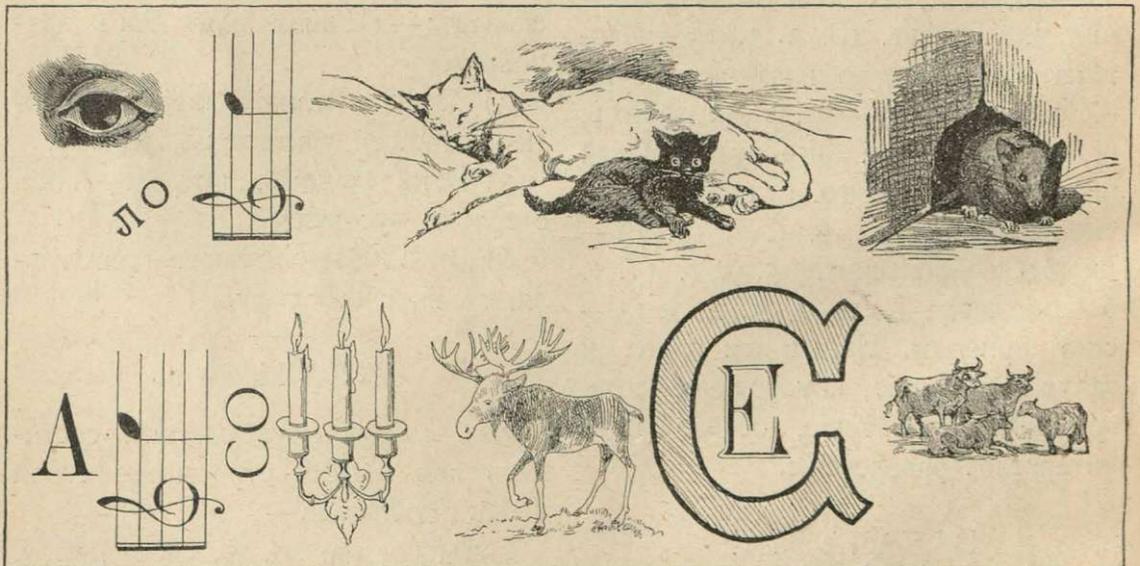
Какой это городъ?

(Предложилъ Душистый горошекъ).

Загадка. Почему въ деревняхъ ѣздятъ на простыхъ телѣгахъ, а зимой на простыхъ саняхъ?

РЕБУСЪ № 1.

(Фамилія подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ: арнемографъ № 1, задачи № 1 и № 2, головоломки № 1 и № 2, загадку и ребусъ, будутъ напечатаны).

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

- 1) Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія.
- 2) Путешествія.
- 3) Біографіи знаменитыхъ людей.
- 4) Статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насекомыхъ и растений.
- 5) Рассказы изъ жизни племенъ и народовъ.
- 6) Рассказы изъ жизни святыхъ.
- 7) Статьи по хозяйству и домоводству.
- 8) Игры и занятія.
- 9) Ноты для пѣнія и игры на фортепіано.
- 10) Каррикатуры и смѣшныя исторіи въ картинкахъ.
- 11) Загадки, ребусы, шарады.
- 12) Романы, повѣсти и рассказы изъ Русской исторіи.
- 13) 22 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома безъ помощи портнихи.
- 14) Картонажи для склеиванія и другія приложенія.
- 15) Смѣсь: различные рецепты, анекдоты, шутки и проч.
- 16) Почтовый ящикъ для переписки съ подписчиками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.,
на полгода — 2 рубля.

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3, и въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» (Невскій, 40), Т-ва М. О. Вольфъ (Гостинный Дворъ и Невскій) и Н. П. Карбасникова (Гостинный Дворъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.